

© 2019 г.

А.В. АТАНЕСЯН

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ НА ПРОТЕСТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ (на примере Армении)

АТАНЕСЯН Артур Владимирович – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой прикладной социологии факультета социологии Ереванского государственного университета, Ереван, Армения (atanesyan@yandex.ru).

Аннотация. В статье анализируется роль виртуальных социальных сетей в современных массовых политических процессах. Рассматриваются отчасти противоположные точки зрения по данному вопросу, обсуждаются результаты исследований роли социальных сетей в массовых протестах в первой декаде XXI в. на постсоветском пространстве и в арабских странах. Представлено авторское исследование восприятий армянских пользователей соцсети Facebook (наиболее популярной в Армении) – участников массовых политических протестов весной 2018 г. в Армении касательно роли виртуальных коммуникаций в причинах, формах реализации и результативности протестной активности. Были выявлены объективные причины протестных настроений в восприятиях, в том числе высокий уровень коррупции, криминально-клановая структура и неэффективность власти, монополизация экономики. Сами участники митингов не считают влияние сайтов соцсетей причиной своего протестного поведения. Показано, что для определенного сектора пользователей Facebook их сугубо коммуникативно-виртуальная активность в период массовых протестов является не менее активной формой политического участия, нежели участие в митингах и другие прямые действия. Подтвердилась гипотеза о существенной роли виртуальных социальных сетей в обеспечении протестам массовости, популярности и синхронизированности.

Ключевые слова: сайты социальных сетей (ССС) • массовые политические протесты в Армении весной 2018 г. • Facebook • социальный капитал • восприятия • политическое участие

DOI: 10.31857/5013216250004280-1

Постановка проблемы. Протестное поведение общества в отношении правящих элит – одно из проявлений демократии. Оно может служить механизмом общественного контроля эффективности государственного управления. Положительный эффект массовых протестов – их воздействие на власть в ситуациях, когда она недостаточно эффективна, когда необходимо побудить элиты рассмотреть ряд вопросов в качестве первостепенных, тех, что считаются важными и срочными самим обществом. Наряду с деятельностью оппозиции, такие протесты служат дополнительным инструментом системы сдержек и противовесов, не позволяющим представителям правящих элит злоупотреблять узкопартийными интересами, политическим ресурсом и должностями. Политические протесты – один из существенных инструментов политического лоббизма [Grossmann, 2012].

Риски и последствия массовых протестов (дестабилизация политической системы, уличные беспорядки, вероятность применения насилия, и т.д.), приведшие в XXI в. к смене власти в ряде стран, послужили поводом для развития целого направления исследований

роли информационных технологий в провоцировании массовых протестов извне. В качестве инструментария, используемого для влияния на протестный потенциал и активность населения, рассматриваются современные СМИ (в ходе информационной революции они все больше усиливают воздействие на сознание, мышление, ценности и поведение людей). В этом же направлении действуют и СМК – мобильные телефоны и смартфоны с включенным Интернетом, видеокамерами, сам Интернет, в том числе сайты социальных сетей (ССС¹).

Часть исследований роли СССР в реализации протестного потенциала обществ фокусируется на преимуществах виртуальной коммуникации по сравнению с традиционными СМИ. Указывается, что виртуальные коммуникации рецензируются в ограниченном объеме [Карпов, 2013: 143] и позволяют обмениваться информацией «за спиной» политической власти, критикуя ее и формируя оппозиционные настроения. Коммуникация в виртуальном пространстве способствует накоплению социального капитала [Valenzuela et al., 2009; de Zúñiga et al., 2012] и выработке у пользователей альтернативной групповой идентичности [Breuer, 2012; Войскунский и др., 2013]. Последняя может вступать в конфликт с гражданской идентичностью, а приобретенный социальный капитал служит ресурсом для организации совместных политических действий. Обмен информацией через виртуальные социальные сети отличается оперативностью, позволяет преодолевать физическое пространство, оповещать жителей отдаленных районов о происходящем в центре событий, создавая схожие представления и синхронизируя действия участников коммуникации [Metzger, Tucker, 2017; Zayani, 2016; Сундиев, Смирнов, 2016]. Виртуальная коммуникация между различными слоями населения содействует сплочению людей с разным уровнем благосостояния, что особенно актуально в переходных обществах с неравномерным распределением доходов. Иными словами, виртуальный протестный дискурс, хоть ситуативно и временно, объединяет богатых и бедных, городских и сельских жителей (см., напр.: [Breuer, 2012: 25]). Благодаря виртуальным медиа информация с мобильного телефона (например, заснятое участником протеста видео) или предварительно заснятый пропагандистский сюжет может попасть на СССР или YouTube, оттуда – на телеканал. Таким образом, виртуальные соцсети обладают эффектом мультиплицирования информации [Brouwer, Bartels, 2014: 15]. С гугубо технической точки зрения СССР позволяют журналистам оперативно находить контакты лидеров и участников протестных движений, с которыми оперативно и в режиме онлайн можно провести интервью и транслировать его через официальные СМИ [Chebib, Sohail, 2011: 145].

Чем доступнее каналы коммуникации, тем больше они способствуют свободе слова и политической деятельности, в частности, оппозиционной. В условиях недемократических политических режимов либеральные виртуальные коммуникации (если правительство их не ограничивает и не запрещает) могут создать параллельную информационную реальность, оспаривающую деятельность официальных СМИ, и способствовать трансформации протестной коммуникативной активности в интерактивную, т.е. в коллективное протестное действие. Роль СССР в данном направлении – важнейший вызов традиционной власти.

Полевые исследования показывают: интернет-коммуникации через СССР, технологии современных СМК не являются причиной современных массовых политических протестов и революций², однако могут активно использоваться протестующими и властью в качестве эффективного инструмента реализации политических целей [Compinos, 2011: 15]. Это означает, что использование политическими институтами и лидерами современных информационных технологий, в частности СССР, может способствовать эффективности государственной информационной политики и снижению рисков протестного поведения граждан.

¹ Сайты социальных сетей – (Social Network Sites – SNS), см., например: [de Zúñiga, Jung, Valenzuela, 2012].

² «Несмотря на растущую популярность СССР и попытки гражданских и политических организаций их использовать, ограниченное количество исследований свидетельствует о эффектах воздействия этих ресурсов на политическое отношение и поведение граждан» [de Zúñiga et al., 2012: 320].

Одним из выводов о воздействии интернет-коммуникаций на политическое поведение граждан является отрицание активизирующей и социализирующей роли социальных сетей в социально-политической активности [Gerbner et al., 1986; Gerbner, 2000]. По мере погружения в виртуальное пространство человек отдаляется от политических процессов, от включенности в реальное социальное пространство и время. В процессе приобретения виртуального социального капитала высока вероятность потери реальных, функциональных социальных связей, так что в результате активной виртуальной жизни *функциональный социальный капитал подменяется символическим*. З. Бауман полагал: «Большинство людей пользуется социальными медиа не для того, чтобы объединяться, не ради того, чтобы расширить свои горизонты, а наоборот, чтобы отрезать себя от реальности и поместить себя в зону комфорта, в которой единственные звуки, какие они слышат – это эхо своих голосов, где единственное, что видят – отражения собственных лиц. Социальные медиа очень удобны, чтобы получать удовольствие, но затягивают в ловушку»³. Аналогичного мнения, основанного на лабораторных исследованиях, придерживаются социальные психологи [Alter, 2017].

Исследование особенностей поведения пользователей интернет-коммуникаций и социальных медиа в условиях массовых политических протестов способствует выявлению новых социальных фактов и доводов в пользу той или иной позиции по данному вопросу. С этой точки зрения представляют интерес приведшие к смене власти массовые протесты в Армении весной 2018 г.

Политические протесты и смена власти в Армении весной 2018 г. Президент Армении Серж Саргсян был избран парламентским большинством (голосами Республиканской партии) премьер-министром Армении 17 апреля 2018 г. Ранее, после конституционных реформ и референдума (6.12.2015), по которым Армения перешла к парламентской форме власти, Саргсян официально заявил об отсутствии желания и планов выдвигаться на пост премьер-министра страны. Его выдвижение на пост премьера в условиях новой конституции было воспринято как продолжение авторитаризма в иной форме, а также как публичная ложь. Это стало толчком для нового витка протестов. Выразителем протестных настроений стал депутат от оппозиционного союза «Елк»⁴ («Выход»), журналист Н. Пашинян.

Публичная встреча между Саргсяном и Пашиняном, инициированная Саргсяном, состоялась 22 апреля 2018 г. Встреча продлилась несколько минут, где Пашинян сформулировал единственное требование к Саргсяну – уйти в отставку. После этого Саргсян отказался продолжать разговор и покинул зал. В тот же день более 230 протестующих было арестовано полицией, в том числе Пашинян и два депутата от его фракции, что способствовало еще большей волне протестов, в том числе блокированию автомагистрали, ведущей в аэропорт.

Массовые протесты 23 апреля 2018 г. (с участием примерно 200 тыс. чел.) захлестнули Ереван, к митингующим стали присоединяться жители других городов и районов. Участники протестов перекрыли дороги, ведущие в центр Еревана, требовали отставки Саргсяна, представителей Республиканской партии, выражали поддержку Пашиняну и его политическим соратникам. Неожиданно для митингующих на сайте премьер-министра Армении было вывешено заявление Саргсяна об отставке, в котором он также делал вывод, что оппозиционный лидер Пашинян прав⁵. Данный факт был воспринят общественностью как результат мирной, ненасильственной и массовой протестной культуры, проявленной армянским обществом.

³ Bauman Z. Social Media Are a Trap // EL PAIS. 25.01.2016. URL: https://elpais.com/elpais/2016/01/19/inenglish/1453208692_424660.html (дата обращения: 31.08.2018).

⁴ Союз представлен на странице в Facebook. URL: <https://www.facebook.com/yelqdashinq/> (дата обращения: 15.08.2018).

⁵ Заявление премьер-министра Сержа Саргсяна. Официальный сайт премьер-министра Армении. URL: <http://www.primeminister.am/ru/press-release/item/2018/04/23/Prime-Minister-Serzh-Sargsyans-statement/> (дата обращения: 13.05.2018).

Обсуждение кандидатуры Пашиняна в качестве премьер-министра состоялось 1 и 8 мая 2018 г. на заседаниях парламента страны. Первого мая парламентское большинство не поддержало Пашиняна. Однако под нажимом протестующей общественности, которая была к тому моменту готова к более категоричным действиям, большинство уступило давлению оппозиции и протестующих, избрав на заседании 8 мая 2018 г. премьер-министром Армении Н. Пашиняна.

Методика исследования. В исследованиях роли интернет-коммуникации в политических процессах и, в частности в массовых протестах, применяется контент-анализ массива информации в социальных сетях, сопутствующей политическим событиям и отражающей восприятия пользователей ССС. Одним из возможных подходов является анализ кратких высказываний пользователей социальных сетей (tweets)⁶ в процессе виртуального дискурса по поводу происходящих массовых протестов [Wilson, 2017: 5–21].

Рядом ученых применяется статистический и сравнительный анализ, позволяющий выявить частоту посещений ССС пользователями в обществах, в которых произошли массовые политические протесты и революции со сменой власти. Резкое увеличение количества пользователей в соцсетях в преддверии и в процессе протестной активности может служить индикатором активного использования соцсетей в протестной коммуникации, а также рассматриваться в ряду факторов массовости протестов [Jost et al., 2018⁷; Lopes, 2014]. Как правило, использование статистической информации сочетается с анкетным опросом различных слоев населения на предмет выявления их участия в массовых протестах, что способствует выявлению корреляции между использованием ССС и уровнем участия в политических протестах [Salzman, 2016; Breuer, 2012].

Интересным является изучение контента вывешенных в соцсетях протестных плакатов и фотографий, а также дискурс-анализ комментариев к ним [Al-Rawi, 2014: 930–931]. В ряде исследований сочетаются методика включенного наблюдения за протестной активностью населения с качественными методами глубинных интервью и экспертных опросов, в частности через общение в соцсетях с активистами протестной деятельности [Brouwer, Bartels, 2014; Lee, 2018].

Существенная роль СМИ и социальных медиа в политических протестах в Армении обоснована тем фактом, что уровень свободы слова и СМИ в стране достаточно высокий для циркуляции оппозиционных мессиджей, а интернет-пространство еще более свободно⁸. Лидер протестов, ныне премьер-министр Армении Пашинян, охарактеризовал роль Facebook следующим образом: «В течение моей политической деятельности и протестов телевидение фактически было закрыто для оппозиции. Очень важно иметь альтернативный канал общения с народом. Сейчас у моей страницы в Facebook большая аудитория, которую можно сравнить с аудиторией телевидения. Это очень эффективный путь диалога с обществом, с гражданами. Конечно, Facebook сыграл большую роль в процессе нашей революции и был очень эффективным каналом для информационных потоков, чтобы пригласить людей на митинги»⁹.

⁶ «Твит – главная составляющая Твиттера. Твит – короткое сообщение длиной в 140 символов. Твит может содержать любую информацию, начиная от обычного смайла, личного или новостного сообщения, ответа на какой-то вопрос и заканчивая ссылкой на сайт, фотографией или видеороликом». Энциклопедия Твиттера от Twidium. 23.07.2014. URL: <http://www.twidium.com/knowledge-base/chto-takoe-tvit/> (дата обращения: 01.09.2018).

⁷ См. также: Lopes A.R. (2014) *The Impact of Social Media on Social Movements: The New Opportunity and Mobilizing Structure*. Creighton University. URL: https://www.creighton.edu/fileadmin/user/CCAS/departments/PoliticalScience/Journal_of_Political_Research__JPR_/2014_JSP_papers/Lopes_JPR.pdf (дата обращения: 01.09.2018).

⁸ См., например: Freedom House, *Freedom in the World 2018*. URL: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/2018/armenia> (accessed 11.08.2018).

⁹ Пашинян: Facebook сыграл большую роль в революции в Армении. Deutsche Welle. 30.05.2018. URL: <https://www.dw.com/ru/> (дата обращения: 02.09.2018).

Среди различных социальных медиа (ССС) Facebook в Армении наиболее популярен (88,7% пользователей соцсетей в 2017–2018 гг.)¹⁰ и, по подсчетам специалистов, включает около 1,2 млн пользователей Армении¹¹. Соответственно, изучение восприятий пользователей Facebook в Армении относительно причин их протестного поведения, а также роли СССР в детерминации их протестных установок может способствовать выявлению механизмов влияния социальных сетей на политические протесты с возможностью экстраполяции полученных выводов на другие государства и общества.

Для выявления роли Facebook в протестном поведении представителей армянского общества осуществлен частично стандартизированный анкетный опрос пользователей Facebook Армении. Сроки проведения опроса основаны на свежести впечатлений и воспоминаний представителей армянского общества о событиях весны 2018 г. и вместе с тем на определенной хронологической дистанцированности респондентов от непосредственных событий. Анкета была создана и распространена в Facebook через функциональную платформу онлайн-опросов SurveyMonkey Enterprise¹². Распространение анкеты в сети Facebook производилось в свободном режиме (не ограниченном друзьями, и т.д.), что позволило избежать одностороннего взгляда групп взаимосвязанных людей. На анкету ответило 462 респондента. Результаты опроса приводятся в статье в переводе с армянского на русский язык.

Опрос не претендует на методическую строгость, однако является обоснованной попыткой выявления и корреляции особенностей онлайн- и офлайн-поведения армянских пользователей Facebook во время массовых протестов весной 2018 г. Среди задач исследования: оценка степени предпочтительности Facebook в сравнении с другими СССР; выявление направлений воздействия этой сети на армянских пользователей (социальные возможности и риски); определение степени участия армянских пользователей Facebook в массовых политических протестах весной 2018 г., а также причин и особенностей, включая различные формы онлайн и офлайн участия; описание информационно-коммуникативных функций и эффекта СССР (Facebook) в условиях массовых политических протестов.

Основная гипотеза исследования: социальные сети (особенно Facebook) существенно влияют на генерирование протестных настроений, а также на обеспечение пользователей альтернативной и инструментальной (в значении практического руководства к действиям) информацией, что способствует координации действий протестующих. Вместе с тем социальные сети не являются причиной массовых протестов, недовольства населения правящим режимом и положением дел в стране (экономическим, социальным, политическим состоянием). Пользователи социальных сетей как постоянно растущий сегмент общества, все больше реализуют свое политическое участие через новые информационно-коммуникативные формы, исходя из существенных, некоммуникативных причин, в частности, социально-экономических проблем и вопросов.

Результаты исследования. Из 462 участников опроса 32% – мужчины, 68% – женщины. Среди ответивших 55% – молодые люди (18–30 лет), 44% – среднее поколение (31–55 лет), 1% – пожилого возраста (56 лет и старше). 7% участников опроса имеют школьное, 78% – высшее образование, 15% – ученую степень. Основной массив участников опроса проживает в Ереване (70%) и областях Армении (18%), около 12% живет за рубежом.

Около 18% опрошенных – студенты, 21% работает в государственных учреждениях, 49% – в частных фирмах и негосударственных организациях, 11% – безработные и менее 1% – пенсионеры. Пенсионеры – наиболее пассивная возрастная группа пользователей

¹⁰Social Media Stats Armenia, July 2017– July 2018. URL: <http://gs.statcounter.com/social-media-stats/all/armenia> (accessed 15.08.2018).

¹¹Martirosyan S. Changes in Social Networks in Armenia. Media.am. 16.05.2018. URL: <https://media.am/en/social-media-spring-2018-armenia> (accessed 14.09.2018).

¹²Анкета была разослана 06.09.2018 и доступна по адресу <https://www.surveymonkey.com/r/FNH8WTC> вплоть до ее закрытия 20.09.2018 г., когда ответы прекратились.

социальных сетей, хотя существует тенденция роста данной группы в интернет-пространстве и, в частности, в соцсетях.

Опрошенные в основном предпочитают Facebook (97% посещает его постоянно), на втором месте YouTube (85%) и на третьем Instagram (43%). Пользователи Facebook нечасто посещают русскоязычные социальные сети «ВКонтакте» (33%) и «Одноклассники» (около 23%). У большинства опрошенных (около 32%) в сети Facebook в среднем от 200 до 500 друзей.

Исходя из целей и задач исследования, мы попытались узнать, как, по мнению пользователей, в социальном плане действует на них Facebook, что он им дает, чему способствует и какую ценность имеет его посещение (рис. 1).

Как видим из полученных данных, армянские пользователи в основном уверены, что Facebook помогает быстро находить нужных людей и информацию (73%); способствует активному политическому участию (36%); содействует познанию мира и людей (31%); помогает заполнить свободное время (29%).

Вместе с тем участники опроса убеждены в том, что Facebook развивает зависимость (42%); распространяет спам и пропаганду (38%); создает риски злоупотребления личной информацией другими субъектами (35%), а также вынуждает следить за бесполезной болтовней, конфликтами и сплетнями пользователей (30%). На предложение указать другие результаты и последствия использования Facebook ответов не поступило.

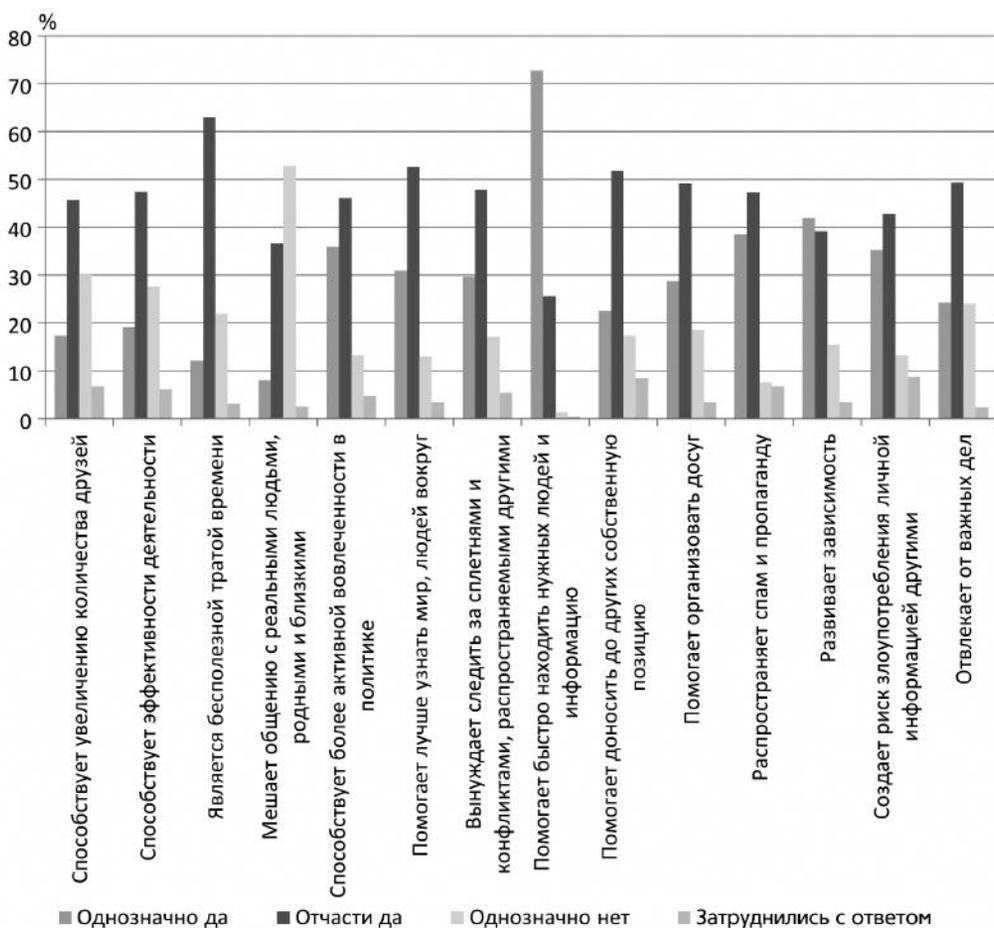

Рис. 1. Оценка воздействия социальной сети Facebook на пользователей в их восприятиях

Итак, 36% опрошенных убеждено, а 46% согласны: Facebook способствует более активному вовлечению в политику. Это подтверждает распространенную в научной литературе гипотезу, что социальные сети и, в частности, Facebook, формирует у пользователей политические предпочтения и способствует их вовлеченности в политическую жизнь. Соответственно, было необходимо выяснить, какой процент армянских пользователей Facebook участвовал в массовых политических протестах в апреле–мае 2018 г. в Армении. Данные по участию увязаны с местом проживания (рис. 2).

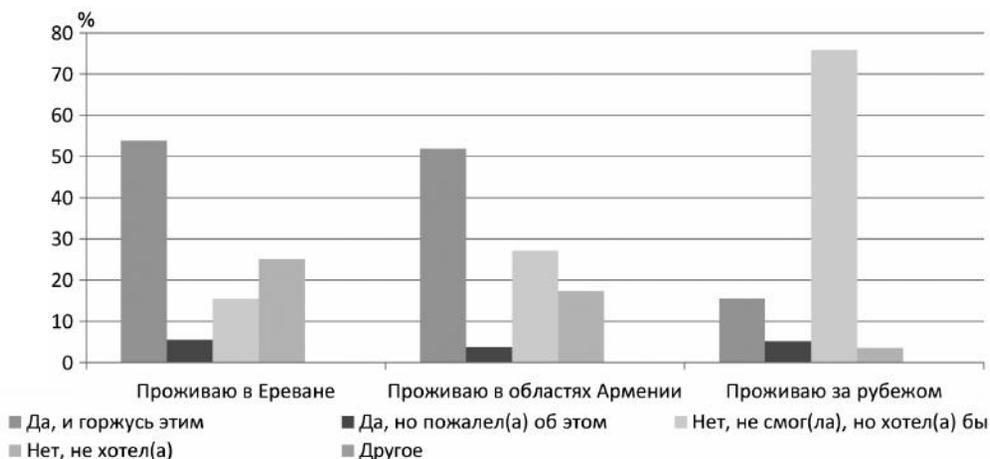

Рис. 2. Участие армянских пользователей Facebook в массовых политических протестах в апреле–мае 2018 г. в Армении

Как видим из полученных ответов, в массовых протестах весной 2018 г. в Армении участвовала половина ответивших на опрос (49%), включая примерно одинаковое количество как жителей Еревана, так и граждан, проживающих в областях Армении. Наблюдается высокий (76%) уровень готовности и желания участвовать в протестах тех, кто в момент протестов находился за рубежом. Вместе с тем в протестах не захотело участвовать около 25% пользователей – жителей Еревана, и 17% – жителей областей. Уровень разочаровавшихся в участии в массовых протестах весной 2018 г. на момент опроса низок в столице и по областям.

Мы попытались выяснить восприятие опрошенными факторов (причин), которые сыграли ту или иную роль в детерминации их участия в событиях весны 2018 г. в Армении (рис. 3).

Из полученных данных следует, что основными мотивами участников протестов весны 2018 г. в Армении были: 1) созданный в стране криминально-олигархический сегмент; 2) необходимость системных преобразований в стране; 3) коррупция; 4) неэффективность деятельности президента Саргсяна и Республиканской партии; 5) нарушения прав человека.

Заметим: по сравнению с данными факторами объективного характера субъективные детерминанты практически не имели существенного значения в восприятии участников массовых протестов в Армении. В частности, в качестве основной причины участия в политических протестах желание поддержать лично Пашиняна указало всего 12%, а как второстепенную причину – 33% опрошенных.

Факторы информационно-коммуникативного плана, по мнению протестующих, имели еще меньшее влияние. Так, пропаганду в СМИ в качестве основной причины своего участия указали около 11% опрошенных, а призывы к участию в протестах через социальные сети – около 4% (и около 31% – в качестве второстепенной причины).

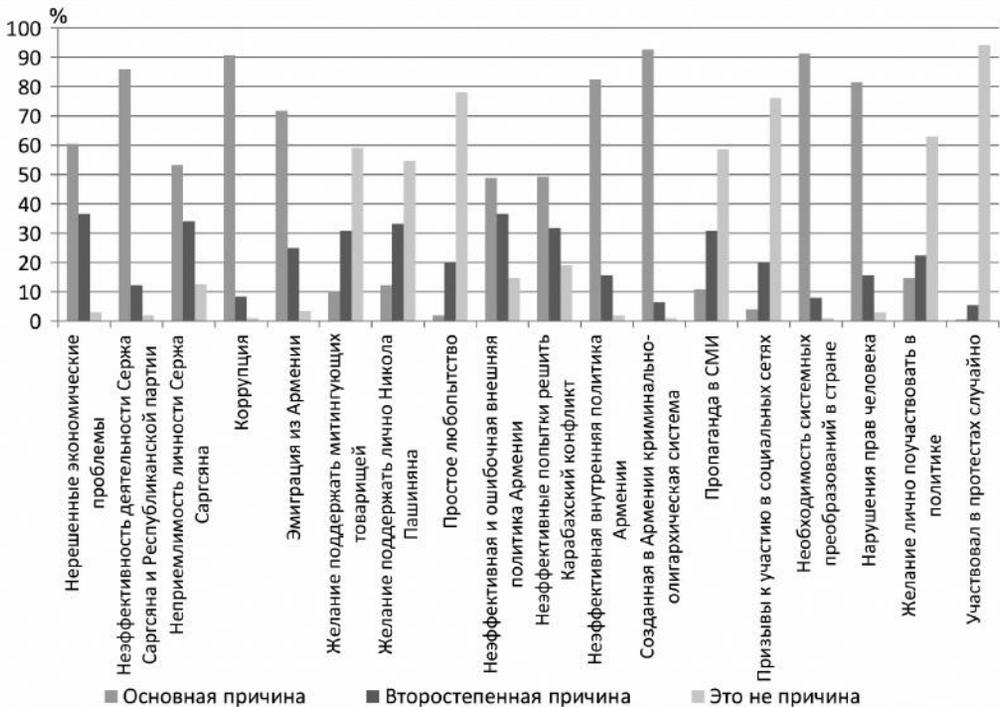

Рис. 3. Мотивационные детерминанты участия опрошенных в массовых протестах весной 2018 г. в Армении

Учитывая важность и гипотетичность суждения, что виртуальные социальные сети – не только источник мотивации к политическому участию, но и площадки для определенных видов политического (информационно-коммуникативного) участия, мы попытались выяснить место подобной активности участников массовых протестов в Армении весной 2018 г. в контексте иных форм реализации политической активности (рис. 4).

Полученные ответы свидетельствуют: наиболее частыми формами реализации протестной активности большинства опрошенных было отслеживание информации: в соцсетях о протестах в целях осведомленности (84%), на страницах Пашиняна и Блока «Елк» в Facebook (82%), о протестных событиях в СМИ (66%); следование за установками в соцсетях о действиях, какие нужно предпринимать (66%); об участии в митингах на площади Республики в Ереване (56%); информирование знакомых за рубежом о событиях в Армении через соцсети и другие СМК (46%). Таким образом, основными формами политического участия в протестах, в восприятии опрошенных, были не столько актуальные, сколько – коммуникативно-виртуальные формы политической активности, в частности целевое потребление и обмен информацией. Согласно структуре анкеты, блок вопросов о формах участия был адресован только респондентам, кто изначально указал на свое участие в протестах. Из этого следует, что большинство опрошенных считает коммуникацию о протестах, без реального участия в митингах, самостоятельной формой своего протестного участия. Для сравнения: свое реальное участие в митингах указало лишь 56% тех, кто считает, что участвовал в протестах, когда как на различные коммуникативно-виртуальные формы своего участия указало от 84–66% опрошенных.

Лишь немногие из опрошенных прибегали к более активным действиям: выступления на митингах с плакатами и флагами (15% – часто и столько же – редко); перекрытие дорог собственным автомобилем (около 8% – часто и 7% – редко); перевоз людей на митинги и

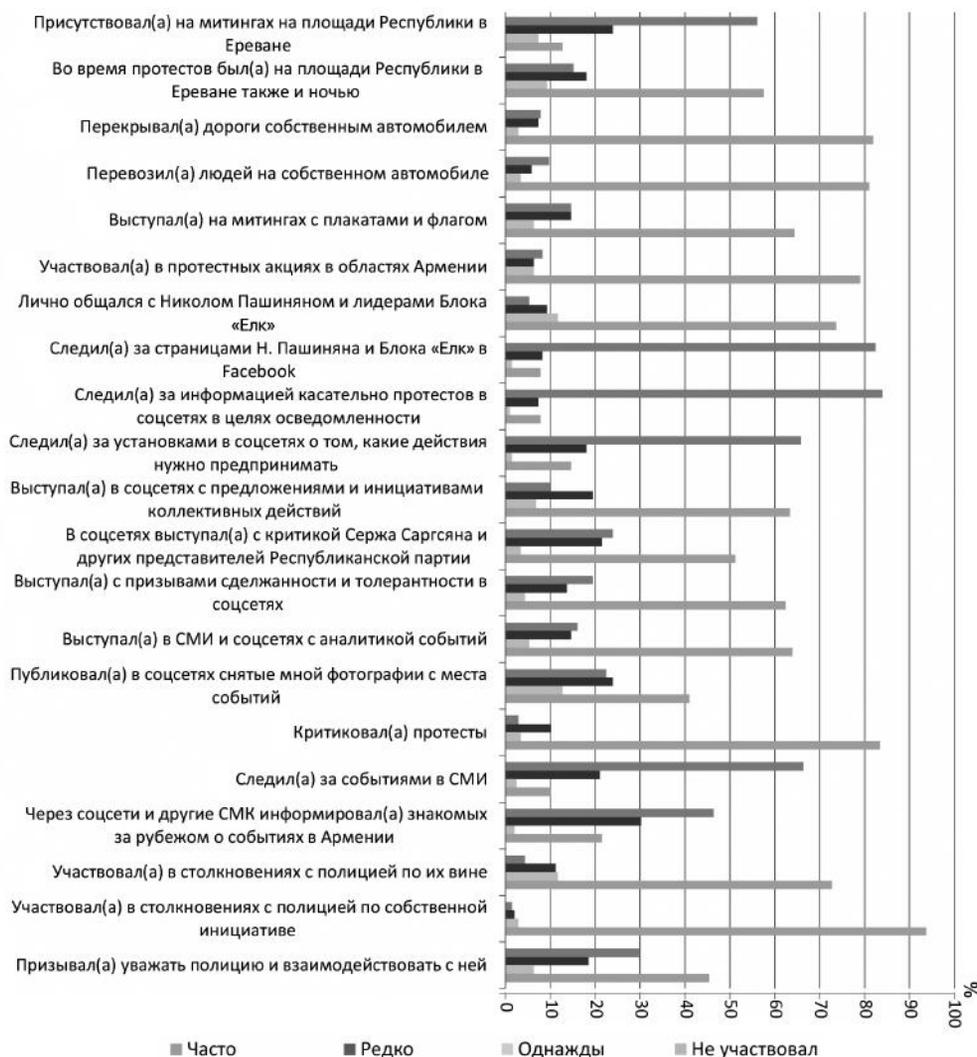

Рис. 4. Формы политико-протестного участия населения Армении весной 2018 г.

с митингов на собственном автомобиле (10% – часто и 6% – редко). В стычках с полицией по собственной инициативе участвовало не более 2% (что вполне укладывается в мирный и ненасильственный характер протестов весны 2018 г. в Армении). Для сравнения: распространение заснятых на месте событий фотографий через социальные сети указало на качестве частой формы собственной активности 22%, редкой – 24%.

Необходимо отметить существенную роль социальных сетей (в данном случае – Facebook) в информировании населения о действиях лидеров протестного движения, в формулировании и синхронизации единых позиций и действий, а также создании общего информационного фона. Причем, если с инициативами коллективных протестных действий часто выступало в сети лишь 10% и изредка – около 20% опрошенных участников, то, соответственно, основной поток инициатив исходил не столько от рядовых участников, сколько от сравнительно небольшой группы протестующих и, судя по популярности страниц Пашиняна и Блока «Елк» в сети Facebook, – прежде всего от лидеров оппозиции.

Наконец, мы попытались уточнить позицию участников массовых протестов весной 2018 г. в Армении касательно роли социальных сетей (Facebook) в детерминации их протестного настроения (рис. 5).

Как видно из рис. 5, большинство опрошенных участников протестов в Армении весной 2018 г. считает, что, если бы не Facebook и другие социальные сети, протесты в Армении не были бы массовыми (71%) и организованными (70%). Среди опрошенных несколько больше тех (38%), кто не считает роль Пашиняна критическим фактором протестной активности против прежней власти (за это высказалось около 35%).

Вместе с тем существенный процент опрошенных (45%) согласен с утверждением: если бы не Facebook и другие соцсети, протесты не привели бы к смене власти в стране. Это означает: гипотеза о существенной роли социальных сетей (Facebook) в организации, синхронизации и интенсификации массовой протестной активности (при наличии существенных объективных причин, а также площадок для информационно-коммуникативной активности населения), по крайней мере в восприятии участников протестов, подтверждается.

Выводы. Результаты исследования свидетельствуют: прямой причинно-следственной связи между активным использованием социальных сетей (в частности, Facebook) и политико-протестным участием не наблюдается; из всего массива опрошенных армянских пользователей Facebook, 87% которых на момент протестов проживало в Армении, лишь 49% в той или иной форме (в режиме онлайн и/или офлайн) участвовало в протестах. Основными формами политического участия в протестах весной 2018 г. в Армении были коммуникативно-виртуальные действия: активное отслеживание информации о протестных событиях в СМИ и соцсетях, в частности через страницы лидеров протестов в сети Facebook, следование за установками в соцсетях о том, какие коллективные действия планируется предпринимать, а также информирование знакомых за рубежом о происходящем в Армении.

Одним из элементов коммуникативно-виртуальной активности определенного сегмента общества было распространение фотографий с места событий через социальные сети. Субъектов информационно-коммуникативной активности (в частности, в сети Facebook) было существенно больше, нежели тех, кто реально участвовал в массовых протестах, причем потребление и обмен информацией в соцсетях (онлайн) считается данными субъектами не менее активной формой протестной активности, чем прямое (офлайн) политическое участие. Согласно восприятиям определенной группы опрошенных, их коммуникативно-виртуальная активность весной 2018 г. была столь же «реалистичной» формой политико-протестного участия, сколько и актуальное прямое участие других людей в митингах.

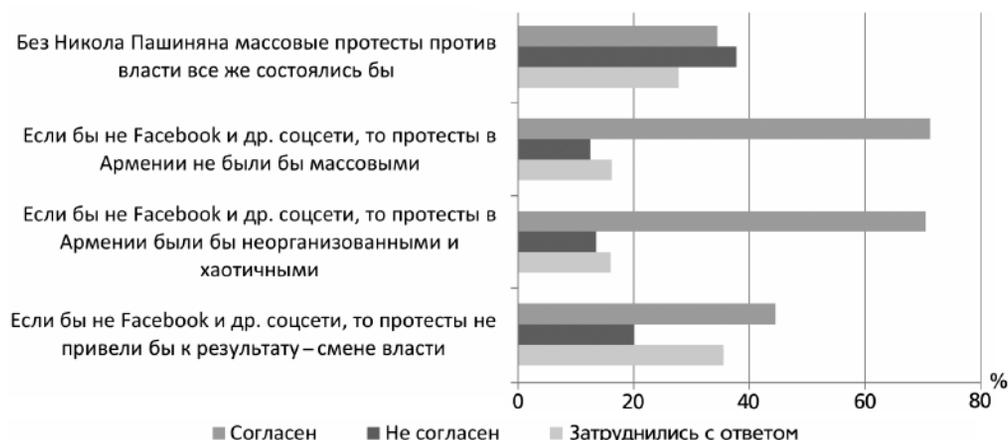

Рис. 5. Факторы, существенно повлиявшие на реализацию массовых протестов весной 2018 г. в Армении

Наиболее существенными считаются именно объективные причины протестов и смены власти в стране: криминально-олигархическая система власти; коррупция; необходимость системных преобразований в стране; неэффективная деятельность С. Саргсяна и Республиканской партии; нарушения прав человека. Вместе с тем восприятия существенного сегмента опрошенных подтверждают гипотезу о детерминирующей роли социальных сетей (Facebook) в генерировании, синхронизации и популяризации массовой протестной активности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Войскунский А.Е., Евдокименко А.С., Федунина Н.Ю. Альтернативная идентичность в социальных сетях // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2013. № 1. С. 66–83. [Voinskounsky A.E., Evdokimenko A.S., Fedunina N.Yu. (2013) Alternative Identity in Social Networks. *Vestnik Moskovskogo Universiteta* [Moscow University Psychology Bulletin]. Ser. 14. Psychology. No. 1: 66–83. (In Russ.)].
- Карпов П.Н. Роль новых медиа в политической коммуникации: Интернет как инструмент формирования новой политической реальности // Вестник РУДН. 2013. Серия Политология. № 1. С. 137–149. [Karpov P.N. (2013) The Role of New Media in the Political Communication: Internet as an Instrument of Setting the New Agenda. *Vestnik RUDN, Seriya Politologiya* [RUDN Journal of Political Science]. No. 1: 137–149. (In Russ.)].
- Сундиев И.Ю., Смирнов А.А. Теория и технологии социальной деструкции (на примере «цветных революций»). М.: Русск. биографич. ин-т; Ин-т эконом. страт., 2016. [Sundiev I.Yu., Smirnov A.A. (2016) *Theory and Technologies of Social Destruction (on Example of «Colored Revolutions»)*. Moscow: Russk. biograf. in-t, In-t ekonom. strat. (In Russ.)].
- Alter A. (2017) *Irresistible: The Rise of Addictive Technology and the Business of Keeping Us Hooked*. New York: Penguin Press.
- Al-Rawi A.K. (2014) The Arab Spring and Online Protests in Iraq. *International Journal of Communication*. No. 8: 916–942.
- Breuer A. (2012) *The Role of Social Media in Mobilizing Political Protest. Evidence from the Tunisian Revolution. Discussion Paper*. No. 10. Bonn: German Development Institute.
- Brouwer L., Bartels E. (2014) Arab Spring in Morocco: Social Media and the 20 February Movement. *Afrika Focus*. Vol. 27. No. 2: 9–22.
- Chebib N.K., Sohail R.M. (2011) The Reasons Social Media Contributed to The 2011 Egyptian Revolution. *International Journal of Business Research and Management (IJBRM)*. Vol. 2. Iss. 3: 139–162.
- Comminos A. (2011) *Twitter Revolutions and Cyber Crackdowns User-generated Content and Social Networking in the Arab Spring and Beyond*. Association for Progressive Communications (APC).
- Gerbner G., Gross L., Morgan M., Signorielli N. (1986) Living with Television: The Dynamics of the Cultivation Process. In: Bryant J., Zillman D. (eds) *Perspectives on Media Effects*. Hilldale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates: 17–40.
- Gerbner G. (2000) Cultivation Analysis: an Overview. *Communicator*. October-December: 3–12.
- Grossmann M. (2012) Interest Group Influence on US Policy Change: An Assessment Based on Policy History. *Interest Groups & Advocacy*. Vol. 1. No. 2: 171–192. DOI: 10.1057/iga.2012.9
- Jost J.T., Barberá P., Bonneau R., Langer M., Metzger M., Nagler J., Sterling J., Tucker J.A. (2018) How Social Media Facilitates Political Protest: Information, Motivation, and Social Networks. *Political Psychology*. No. 39: 85–118. DOI:10.1111/pops.12478.
- Lee S. (2018) The Role of Social Media in Protest Participation: The Case of Candlelight Vigils in South Korea. *International Journal of Communication*. No. 12: 1523–1540.
- Metzger M.M., Tucker J.A. (2017) Social Media and EuroMaidan: A Review Essay. *Slavic Review*. Vol. 76. No. 1 (Spring): 169–191. DOI: 10.1017/slr.2017.16
- Salzman R. (2016) Exploring Social Media Use and Protest Participation in Latin America. *Journal of Latin American Communication Research*. No. 5(2): 72–85.
- Valenzuela S., Park N., Kee K.F. (2009) Is There Social Capital in a Social Network Site? Facebook Use and College Students' Life Satisfaction, Trust, and Participation. *Journal of Computer-Mediated Communication*. No. 14: 875–901. DOI: 10.1111/j.1083-6101.2009.01474.x
- Wilson S.L. (2017) Detecting Mass Protest through Social Media. *The Journal of Social Media in Society*. No. 6(2): 5–21.

- Zayani M. (2016) On the Entangled Question of Media and Politics in the Middle East. In: Mirgani S. (ed.). *Media and Politics in the Wake of the Arab Uprisings*. Working Group Summary Report. Center for International and Regional Studies. Georgetown University School of Foreign Service in Qatar: 3–4.
- de Zúñiga H.G., Jung N., Valenzuela S. (2012) Social Media Use for News and Individuals' Social Capital, Civic Engagement and Political Participation. *Journal of Computer-Mediated Communication*. Vol. 17. Iss. 3: 319–336. DOI: 10.1111/j.1083-6101.2012.01574.x.

Статья поступила: 10.10.18. Принята к публикации: 20.12.18.

THE IMPACT OF SOCIAL NETWORKS ON PROTEST ACTIVITIES (the Case of Armenia)

ATANESYAN A.V.

Yerevan State University, Armenia

Arthur V. ATANESYAN, Dr. Sci. (Pol.), Prof., Head of Applied Sociology Department, Faculty of Sociology, Yerevan State University, Armenia (atanesyan@yandex.ru).

Abstract. The role of virtual social networks in the modern political processes is analyzed in the paper. Partly contradicting approaches to the issue are reviewed, as well as some cases of the role of Social Network Sites (SNS) in the mass political protests of the first decade of the XXI century are discussed, including those on the post-soviet space and in the Arab world. The study of perceptions of Armenian Facebook users concerning the role of SNS in the mass protests in April-May 2018 in Armenia is presented. The study was conducted via mass survey with 462 Armenian Facebook users in September 2018 by means of semi-structured questionnaire designed and disseminated on the online platform of SurveyMonkey Enterprise. Among the results, the actual issues which Armenian Facebook users and protesters underline as main reasons of their protest activities are rated, including high level of corruption, criminal-clan structure of the previous ruling elites and low effectiveness of governance, as well as monopoly in economic field, while the active influence of SNS on the users was not among the reasons to protest. It is demonstrated that for an essential quantity of users their entirely virtual communicative activity during the protests is the as “real” as real participation in the protests. Hypothesis about decisive role of SNS in accumulation, popularization and synchronization of the mass protest activities is confirmed.

Keywords: Social Network Sites (SNS), mass political protests in Armenia in Spring 2018, Facebook, social capital, perceptions, political participation.

Received: 10.10.18. Accepted: 20.12.18.